

Сюй Сянжу хотела, чтобы Ань Тун забрала лечебное вино обратно, но из-за наглости Сюй Саня у неё не было возможности это сделать. Она тихо вздохнула, поблагодарила Ань Тун и запомнила этот долг, чтобы в будущем вернуть его вместе с остальными деньгами.

Ань Тун не ушла сразу, а сорвала стебель риса с поля семьи Сюй, оценила полноту колоса и обнаружила, что рис семьи Сюй был довольно плотным и полным. Она спросила:

— Вы уже нашли торговца зерном для урожая семьи Сюй?

Сюй Сань выглядел растерянным, явно не занимавшимся такими делами. Ответила Сюй Сянжу:

— Нашли, это зерновая лавка семьи Ли в городе.

— Цена такая же, как у всех?

— Естественно, зерновая лавка семьи Ли всегда покупает зерно по 60% от цены риса.

Цена только что собранного зерна, конечно, не может быть такой же, как цена риса. Зерно нужно обработать: обрушить, отшлифовать и выполнить множество других операций, чтобы удалить шелуху и превратить его из коричневого риса в белый и затем в мелкий рис.

Обычно из одного дана зерна после обрушения остаётся около 80%, а после шлифовки — только 60–70%. Учитывая стоимость обработки, зерновая лавка семьи Ли, покупающая зерно по 60% от цены риса, была довольно щедрой. Некоторые торговцы сбивали цену до 50%.

Один дан риса стоил 600–700 вэней. В таких плодородных местах, как Таоцзян, с одного му хорошей земли при тщательной обработке можно было собрать пять данов зерна, что эквивалентно трём данам риса. На средних землях и у тех, кто не мог тщательно обрабатывать, обычно собирали два дана риса.

Но в таких регионах, как Цзяннань, где рис был в изобилии, и в годы с благоприятной погодой цена риса была ниже, чем в других местах. Один дан риса в итоге стоил около 500 вэней.

У семьи Сюй было 18 му земли, из которых только 5 му были хорошей землёй. Остальные либо были бедной землёй, либо чуть лучше бедной. Благодаря Сюй Саню в семье не было других активов, поэтому они были отнесены к пятому классу домохозяйств: платили только половину налога и половину денег за освобождение от повинностей.

Таким образом, семья Сюй должна была иметь небольшой излишек, но Сюй Сань всё растратил. Вместо того чтобы копить деньги, он накопил кучу долгов.

Ань Тун, произведя подсчёты в уме, сказала:

— На самом деле, после того как вы продадите зерно зерновой лавке семьи Ли, Ли, обработав его, получат не только рис, но и шелуху, и коричневый рис, которые тоже можно продать!

Сюй Сань встревожился:

— Значит, мы всё это время теряли деньги?

Сюй Сянжу взглянула на него:

— Отец, ты никогда не занимался домашними делами, поэтому, возможно, не знаешь, что

зерновая лавка семьи Ли возвращает часть шелухи и коричневого риса. Иначе у нас не было бы корма для домашней птицы.

Сюй Сань был разочарован. Он думал, что если бы всё было так, как сказала Ань Тун, то на этот раз они могли бы получить больше денег. Сюй Сянжу и госпожа Ван из семьи Сюй, похоже, знали, о чём он думал. Видя, что он держит банку с лечебным вином и не может работать, они просто отправили его домой.

После его ухода Сюй Сянжу с укором посмотрела на Ань Тун. Ань Тун подняла бровь и оттащила Сюй Сянжу в сторону:

— Не думай, что я не заметила, что ты, кажется, обвиняешь меня в том, что я вмешиваюсь не в своё дело!

Сюй Сянжу с полуулыбкой посмотрела на неё:

— Госпожа Ань, вы проницательны.

Ань Тун мысленно плюнула на неё, но вслух сказала:

— Верить ты или нет, но моя основная цель — отвлечь его и заключить с тобой сделку.

Сюй Сянжу хотела уйти, но Ань Тун схватила её за одежду. Она сказала:

— Мне ещё нужно работать, госпожа Ань, говорите быстрее.

Для таких бедных семей, как их, которые могли нанимать только временных работников, каждая минута была на вес золота. Они работали от заката до рассвета. Как можно было так долго бездельничать? Ань Тун, хотя и владела одним му земли, имела множество людей, которые могли за ней присматривать. Её прогулки вызывали зависть, даже раздражение.

Ань Тун сердито посмотрела на неё:

— Как за несколько дней ты потеряла всё своё терпение? Я хочу сказать, почему бы тебе не продать зерно нашей семье Ань?

Сюй Сянжу смотрела на неё, как на шутку:

— Госпожа Ань, разве вы не знаете, что у вашей семьи более 20 цинов земли?

— Конечно, знаю!

— Семья Ань только за счёт арендной платы накапливает почти 3 000 данов риса. Ваши амбары полны, зачем вам покупать зерно у других?

Сюй Сянжу говорила это не из зависти, а просто констатируя факт, который, возможно, Ань Тун не знала.

Ань Тун моргнула:

— А какое это имеет отношение к тому, что семья Ань покупает ваше зерно?

Сюй Сянжу с удивлением посмотрела на Ань Тун. Она быстро поняла, что та имела в виду: у семьи Ань было много риса, но он не весь шёл на собственное потребление, часть продавалась.

Так почему бы не купить зерно семьи Сюй и не продать его вместе?

Ань Тун потирала руки, возбуждённая:

— Если я помогу семье Сюй продать зерно по цене выше, чем у зерновой лавки семьи Ли, то Сюй Сань не узнает, что семья получила больше денег. Ты сможешь спрятать лишние деньги, чтобы улучшить жизнь своей матери.

Ань Тун, думая о том, как жизнь семьи Сюй будет становиться всё лучше, восхищалась своей собственной мудростью.

Сюй Сянжу действительно была удивлена предложением Ань Тун и даже немного заинтересовалась. Однако её разум оставался ясным:

— Вы можете принимать такие решения?

— Если я скажу родителям, они обязательно согласятся. Если они не согласятся, моих сбережений хватит, чтобы купить всё ваше зерно.

Слова Ань Тун звучали как хвастовство, но Сюй Сянжу не обратила на это внимания. Она лишь поняла, что даже если Ань Тун не сможет выгодно продать это зерно, убытки понесёт только она, а не семья Сюй.

Хотя она не понимала, почему Ань Тун вдруг изменилась и стала так доброжелательна к ней. Даже готова была использовать свои сбережения, чтобы помочь?

Ань Тун, казалось, была уверена, что она согласится, и уже начала планировать следующий шаг. С радостью сказала:

— Сюй Сянжу, я помогаю тебе в таком важном деле, ты теперь должна быть со мной более любезной?

Сюй Сянжу подумала, что Ань Тун явно помогала не просто так!

Она вздохнула с облегчением. Ведь Ань Тун без скрытых мотивов вызывала бы у неё подозрения.

— Быть любезной?

Ань Тун кивнула:

— Да, и лучше, если это будет искренне, чтобы ты считала меня хорошим человеком, который проживёт долгую жизнь!

Сюй Сянжу сказала:

— Может, мне ещё трижды в день молиться за вас, чтобы вы были благословлены?

Поняв, что Сюй Сянжу шутит, Ань Тун перестала строить иллюзии. Недовольно надула губы:

— Ты согласна продать зерно семье Ань?

Сюй Сянжу немного подумала:

— Если семья Ань сможет гарантировать, что мой отец не узнает об этом, то почему бы и нет.

— Тогда договорились. Цена точно будет не ниже, чем у зерновой лавки семьи Ли, я это гарантирую.

Сказав это, Ань Тун протянула мизинец правой руки.

— Что это? — Сюй Сянжу взглянула на её мизинец.

— Конечно, это клятва!

Сюй Сянжу была поражена, что Ань Тун использовала такой детский способ заключения договора. Но раз она придавала этому такое значение, значит, её сердце всё ещё оставалось чистым, не так ли?

На лице Сюй Сянжу наконец появилась улыбка, и она протянула палец, чтобы заключить клятву.

В районах, где выращивали поздний рис, повсюду шёл осенний сбор урожая. Хотя погода была прохладной, в Цзяннани было ещё тепло.

Семья Ань в это время была особенно занята: староста Ань занимался вопросами осеннего налога, а арендная плата и вопросы с крестьянами, арендующими сельскохозяйственные орудия у семьи Ань, решались Ли Цзиньсю и управляющим дядюшкой Цаем.

Ань Тун рассказала Ли Цзиньсю о покупке зерна у семьи Сюй. Конечно, её стали расспрашивать. Как говорится, мать лучше знает свою дочь, и Ли Цзиньсю быстро догадалась, что она хочет наладить отношения с Сюй Сянжу.

— Помочь можно, но почему ты вдруг захотела с ней подружиться? — спросила Ли Цзиньсю.

Ань Тун уже подготовила ответ, который, как она считала, не вызовет подозрений:

— Мама, хотя у меня и были разногласия с Сюй Сянжу, и я несколько раз проигрывала ей, я не мелочная. Поэтому не могу вечно держать обиду на прошлое, верно?

<http://bllate.org/book/16381/1482380>